

УТВЕРЖДАЮ

Ректор ФГБОУ ВПО

Челябинский государственный университет

Д-р. психол. наук, проф.

_____ Д.А. Циринг

«__» _____ 2016 г.

ОТЗЫВ

ведущей организации ФГБОУ ВПО «Челябинский государственный университет» на диссертационную работу Кузеванова Виктора Сергеевича «Сибирские архитекторы в 1930 – 1950-е гг.: профессиональная деятельность, социальные институты, повседневные практики (на материалах Омска и Новосибирска)», представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история

Сталинский период истории наложил свой отпечаток на самые разнообразные сферы жизни российского общества. Одной из таких сфер стал облик значительной части российских городов, получивших в 1930-е – 1950-е гг. сильные импульсы для развития. Формирование городской среды и организация пространства были результатами деятельности особой профессиональной группы – советских архитекторов, чьи идеи и подходы на десятилетия заложили вектор городского развития и во многом определили современный облик российского города. Изучение условий, в которых архитекторы творили, осуществляли свои проекты, а также политического фона их деятельности и связанной с ним организационно-управленческой структуры продолжает оставаться актуальной проблемой. А связь между искусством и политикой приводит к тому, что политические идеи продолжают обретать художественные, в том числе и архитектурные формы.

Представленная к защите диссертация В.С. Кузеванова в теоретическом плане находится на стыке нескольких научных направлений исторической науки, среди которых можно выделить историческую урбанистику, историю архитектуры и социальную историю. Сочетание подходов, реализуемых этими направлениями придает исследованию В.С. Кузеванова характер междисциплинарности.

Историографический обзор диссертации и использованные в тексте исторические работы позволяют говорить об осведомленности В.С. Кузеванова по большинству обозначенных в научной литературе проблем, связанных с историей архитектуры и исторической урбанистикой. Однако, определенные пробелы наблюдаются в отношении историографии социальной истории и в особенности истории повседневности (см. замечания). При этом, раскрываемая в диссертационной работе тема, особенно в ее региональном звучании, является новаторской. Из историографического обзора органично вытекают цель и задачи диссертации

Разнообразна источниковая база диссертации, которая в значительной мере основывается на ранее неопубликованных материалах 15 фондов двух центральных (РГАЛИ и ГАРФ), двух региональных и одного муниципального архива. В видовом отношении автором используется нормативно-правовая и делопроизводственная документация, источники личного происхождения, периодическая печать, визуальные источники, среди которых особое положение занимают архитектурные проекты, чертежи и эскизы, а также фотопроекты, фотографии, карты и схемы.

Структура работы включает три главы, в которых последовательно решаются поставленные во введении задачи. В диссертации подробно проанализирован генезис советской архитектурной системы, выделены основные этапы ее развития, определены факторы, влиявшие на этот процесс, изучены особенности управления архитектурной сферой. В заслугу автору следует поставить раскрытие причин и особенностей возникновения института главного городского архитектора. Автор показывает, что зачастую

решения принимались не только в силу идеологических установок, но и под воздействием конкретных обстоятельств.

Как показало исследование В.С. Кузеванова, важным аспектом сталинской модели управления культурой было формирование профессиональных сообществ и унификация их деятельности. Вместо определенного плюрализма эпохи НЭПа возникает модель контроля и руководства. Но если в центре этот процесс проходил по заранее запланированному сценарию, то в регионах возникали специфические варианты существования и деятельности Союза советских архитекторов. Автор аргументированно показывает, что различные начальные условия возникновения ССА в Новосибирске и Омске приводят к возникновению региональной специфики отделений ССА в этих городах. Выявление особенностей Омска и Новосибирска также является существенным научным достижением автора, поскольку позволяет скорректировать сложившиеся представления о реализации культурной политики в сталинскую эпоху.

Безусловно, интересным и заслуживающим внимания выводом работы можно признать выделение автором поведенческих стратегий советских архитекторов. Традиционалистские, новаторские или колеблющиеся взгляды позволяет рассматривать региональную советскую архитектуру как поле игры с различными действующими установками, где влияние оказывали как внешний, так и внутренние факторы.

Детальное изучение отдельных архитектурных проектов позволило автору раскрыть внутреннюю «кухню» архитекторского цеха, в которой хватало места и острой конкурентной борьбе и искреннему сотрудничеству и уязвленному самолюбию. Постоянная зависимость этого отряда интеллигенции от идеологического курса, а зачастую и от вкусов отдельных политиков ограничивала спектр творческих возможностей советских архитекторов сталинского периода, но при этом позволяла им самоощущать себя частью творческой элиты.

Положительное впечатление от диссертационного исследования не исключает некоторых недостатков, которые вызывают следующие замечания.

1. Тема повседневности была вынесена автором в название диссертации, и ей посвящена одна из глав. При этом, как в историографическом, так и в методологическом разделах история повседневности (как научное направление и теоретический подход) не получила должного освещения. Так, вне поля зрения автора оказались многие классические работы по истории повседневности: А. Людтке, К. Гирца, Е. Зубковой, Н. Лебиной, И. Утехина и др. Представляется, что без использования данных работ диссертация существенным образом обеднела в плане исследовательских инструментов.

2. Нехватка методологического багажа особенно остро ощущается в соответствующем разделе диссертации. Автор перечисляет основные методы исследования, но при этом игнорирует важные методологические вопросы, связанные непосредственно с темой его исследования. Так, еще один заявленный в названии диссертации термин – «социальные институты» также не получил никакого обоснования в тексте работы. Между тем, набирающий популярность институциональный подход в конкретно-исторических исследованиях пока еще используется не часто и требует своего обоснования.

3. Положение 6, вынесенное на защиту (с.51) о том, что проектную документацию архитектурных работ автор предлагает относить не к визуальным источникам, а в самостоятельную группу, не достаточно аргументировано. Любопытно, что в методологическом разделе направление «визуальная история» вообще не рассматривается и даже не упоминается, но на с. 46 автор пишет: «Архитектурные проекты, рабочие чертежи и эскизы. В отечественной исторической науке подобные материалы не попадали ранее в поле изучения социальных историков. Не существует методики исследования подобных источников». Что получается? Социальные историки с этими документами не работали, о позиции визуальных историков автору, видимо, не

известно. Следовательно, если в диссертации используются данные источники, то автор должен был выработать какие-то собственные методики работы с ними, что должно было найти отражение в методологическом разделе.

4. Вопрос вызывает и выбор территориальных рамок исследования, на с. 37-38 автор определяет сходство двух городов как объектов для сравнительного изучения, но не обосновывает, почему было выбрано только два города и почему были выбраны именно эти города.

5. Недостаточное знакомство автора с методологическим аппаратом истории повседневности привело к определенному перекошу в третьей главе диссертации. Глава называется «Повседневная жизнь и общественная деятельность сибирских архитекторов...», но речь в ней идет совсем не о повседневной жизни самих архитекторов или о влиянии повседневности на их профессиональную деятельность, а о городском пространстве и об отдельных архитектурных проектах, влияющих на его формирование. Из всей палитры повседневной жизни освещение получили только условия труда сибирских архитекторов, в то время как совершенно не раскрытыми остались вопросы их быта, свободного времени, брачно-семейных отношений, питания, жилья, норм и аномалий в среде архитекторов и многое другое.

Тем не менее, указанные недостатки не снижают общего положительного впечатления от представленной работы.

Диссертация В.С. Кузеванова представляет собой актуальную, оригинальную, самостоятельную и завершенную научно-исследовательскую работу, которая по своей проблематике соответствует заявленной специальности, содержит большой и ценный фактический материал и обладает научной новизной. Цель и задачи, поставленные во введении, были успешно решены. Автореферат диссертации и публикации автора отражают основное содержание работы. Результаты исследования представляют значительный научно-практический интерес, выходящий за пределы сибирского региона. Конкретные результаты и рекомендации исследования В.С. целесообразно использовать органам муниципального самоуправления

при подготовке проектов городского развития и реконструкции территории. в различные отрасли промышленности. Положения и выводы исследования могут быть использованы при разработке учебных курсов по истории архитектуры, исторической урбанистике, сибирскому краеведению.

Работа В.С. Кузеванова отвечает требованиям "Положения о порядке присуждения ученых степеней", предъявляемым к кандидатским диссертациям, а ее автор заслуживает присуждения ему искомой ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.02 – отечественная история.

Отзыв составлен доктором исторических наук С. А. Бакановым, и кандидатом исторических наук А.А. Фокиным, обсужден и одобрен на заседании кафедры истории России и зарубежных стран ФГБОУ ВПО Челябинский государственный университет 22 января 2016 г., протокол № 5.

Зав. кафедрой истории России и зарубежных стран
ФГБОУ ВПО "Челябинский государственный университет"
доктор исторических наук

С.А. Баканов